

Интеллектуальная собственность в странах БРИКС

**Оксана Викторовна
ЛУТКОВА,**

профессор кафедры
международного частного
права Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
ovlutkova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Особенности заключения трансграничных договоров о распоряжении авторскими правами между контрагентами из России и Эфиопии (в рамках БРИКС)

Аннотация. Россия и Эфиопия участвуют в БРИКС и рассматривают оборот интеллектуальных прав как важное направление сотрудничества. Кумуляция норм национальных правопорядков в области авторского и договорного права позволила установить сходство и различие в регулировании. Эфиопия не участвует в международных соглашениях об охране авторских прав, однако ее право в значительной степени гармонизировано с нормами базовых конвенций (Бернской конвенцией 1886 г., Всемирной конвенцией 1952 г.). При этом существуют расхождения с правом России, которые необходимо учитывать в договорных отношениях между лицами государств: несовпадение квалификации договора отчуждения исключительных прав; разные требования к существенным условиям лицензионного договора; отсутствие коллизионного регулирования в Эфиопии в сфере интеллектуального и договорного статута. Игнорирование выявленных проблем может приводить к уязвимости трансграничных договоров о распоряжении исключительными правами — незаключенности, коллизии коллизий, хромающим отношениям. Отсутствие в Эфиопии коллизионного регулирования делает неэффективным выбор государственного суда как органа по рассмотрению спора из трансграничной сделки по распоряжению авторскими правами. Для этого много причин, в частности отсутствие соглашения между государствами о признании и исполнении иностранных судебных решений. Поскольку государства участвуют в Нью-Йоркской конвенции 1958 г., сторонам сделки целесообразно выбирать международный коммерческий арбитраж, что даст возможность выбрать также применимое право и рассчитывать на признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, трансграничные авторские отношения, авторское право, международное частное право, Эфиопия, *lex loci protectionis*, *lex loci originis*, трансграничный договор отчуждения исключительных прав, трансграничный лицензионный договор, БРИКС

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3.124-134

Oksana V. LUTKOVA,

*Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Dr. Sci. (Law), Professor

ovlutkova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Specifics of Concluding Cross-Border Copyright Agreements between Counterparties from Russia and Ethiopia (within BRICS)

Abstract. *Russia and Ethiopia are members of BRICS and consider intellectual property rights turnover as an important area of cooperation. The cumulation of norms of national legal orders in the field of copyright and contract law has made it possible to establish similarities and differences in regulation. Ethiopia is not a party to international copyright agreements, but its law is largely harmonized with the core conventions (the Berne Convention of 1886 and the Universal Copyright Convention of 1952). At the same time, there are discrepancies with Russian law that must be taken into account in contractual relations between persons of the states: discrepancy in the qualification of the contract of alienation of exclusive rights; different requirements for the essential terms of the license agreement; absence of conflict of laws regulation in Ethiopia in the sphere of intellectual and contractual statutee. Ignoring the identified problems can lead to the vulnerability of cross-border contracts on the disposal of exclusive rights — non-conclusion, conflict of conflicts, and limping relations. The absence of a conflict of laws regulation in Ethiopia makes it ineffective to choose a state court as the forum for resolving a dispute arising from a cross-border copyright transaction. There are many reasons for this, including the lack of an agreement between states on the recognition and enforcement of foreign judgments. Since States are parties to the 1958 New York Convention, it is advisable for parties to a transaction to choose international commercial arbitration. This will also make it possible to choose the law applicable to contractual relations and count on the recognition and enforcement of a foreign arbitration award.*

Keywords: *conflict of laws regulation, cross-border copyright relations, copyright, international private law, Ethiopia, lex loci protectionis, lex loci originis, cross-border agreement on alienation of exclusive rights, cross-border licensing agreement, BRICS*

На начало 2025 г. БРИКС объединяет Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР, Иран, ОАЭ, Египет, Эфиопию и Индонезию. Очевидным является то, что государства — участники БРИКС отличаются друг от друга историческими, религиозными и культурными основами и, соответственно, уровнем

развития экономической, политической, социальной сфер и сферы правового регулирования¹. Этот факт ставит вопрос о существующем уровне унификации и гармонизации права между государствами-участниками в определенных направлениях регулирования трансграничных отношений, в частности авторско-правовых отношений.

Вопросы регулирования отношений интеллектуальной собственности, безусловно, важны для стран — участниц БРИКС, это отражено в текстах деклараций саммитов. Так, в Декларации по итогам саммита 2023 г. указано, что участники «договорились расширять диалог и сотрудничество в области прав интеллектуальной собственности в рамках механизма сотрудничества БРИКС»². В Декларации по итогам саммита 2024 г. также заявлено, что участники приветствуют «сотрудничество между ведомствами стран БРИКС по вопросам интеллектуальной собственности и обмен лучшими практиками и опытом... в целях оказания поддержки по вопросам охраны прав, их коммерциализации и использования правообладателями»³.

Любое взаимодействие государств в современном международном сообществе в первую очередь основывается на согласовании их суверенных волеизъявлений и выражается в конвенционном регулировании. На нормы международных соглашений, регулирующие отношения участников трансграничных частноправовых отношений, после их трансформации в национальные системы права уже могут ориентироваться непосредственные субъекты частного права, в том числе участники трансграничных авторских отношений.

От участия стран БРИКС в едином универсальном международном авторско-правовом договоре зависят степень унификации и гармонизации права — единообразия или ощутимого сближения в регулировании авторских прав в национальных системах права и, соответственно, наличие или отсутствие сложностей на практике при заключении контрагентами из стран БРИКС трансграничных договоров о распоряжении авторскими правами.

Особенностью охраны трансграничных отношений в области авторских прав между лицами Эфиопии и России будет являться то, что Эфиопия не участвует

¹ В Эфиопии около 80 этносов со своими традициями и языком. Большая часть населения исповедует христианство. Страна не претерпевала колониальных захватов, но в период 1936—1941 гг. была оккупирована Италией. У страны много проблем экономического и социального характера; еще в начале 70-х гг. прошлого столетия там массово гибли от голода люди. Эфиопия — участница ООН, член-учредитель Африканского союза, входящего в международную организацию стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ). См. об этом также: *Алимова Я. О. Возможность унификации в сфере трансграничных договорных отношений в странах БРИКС // Lex russica. 2019. № 11 (156). С. 11.*

² Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» (принята по итогам XV саммита БРИКС, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023). П. 42 // СПС «Гарант».

³ Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (принята по итогам XVI саммита БРИКС, Казань, Российская Федерация, 23.10.2024). П. 106 // СПС «Гарант».

ни в одном базовом международном соглашении по авторско-правовой охране, тогда как Российская Федерация участвует и в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. (с 1995 г.), и во Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г. (с 1973 г.)⁴.

Целью настоящей статьи является исследование национально-правового регулирования авторских и договорных отношений в Эфиопии, чтобы смоделировать возможные риски и предупредить наступление нежелательных ситуаций должными действиями контрагентов из России и Эфиопии в процессе юридического сопровождения трансграничных отношений по распоряжению авторскими правами.

Историческая справка об авторском праве Эфиопии. В юридической литературе Эфиопии интеллектуальная собственность традиционно сравнивается с объектами материального мира, обладающими характеристиками собственности. Ученые приходят к общепринятому для мировой науки выводу об особых свойствах «нематериальной собственности». Специфическая черта истории развития права интеллектуальной собственности в Эфиопии связывается с философскими и религиозными воззрениями народа этого государства: люди долго были убеждены, что человеческие существа нельзя рассматривать как творцов и создателей чего-либо нематериального, поскольку это прерогатива высшего существа, стоящего над человечеством и дарующего человечеству через его конкретных представителей (авторов) то, что сегодня мы называем результатами интеллектуальной деятельности (творчества)⁵.

Непосредственно правовая защита творческих результатов в Эфиопии впервые была закреплена только в 1960 г. в Гражданском кодексе. Позднее в Конституцию ФДРЭ 1994 г. была включена статья, устанавливающая, что «основные права и свободы... должны толковаться в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах человека и международных соглашений, принятых Эфиопией» (ст. 13(2)). И хотя напрямую авторские права в Конституции не названы, ученые Эфиопии ссылаются на их конституционное закрепление, обосновывая этот вывод тем, что в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. авторские права входят в категорию естественных прав: «Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» (ст. 27(2))⁶.

⁴ Единственное на сегодняшний день двустороннее соглашение между Российской Федерацией и Федеративной Демократической Республикой Эфиопия (ФДРЭ), косвенно затрагивающее вопросы интеллектуальной собственности, — Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Демократической Республики Эфиопия о взаимной охране результатов интеллектуальной деятельности и защите интеллектуальной собственности в ходе двустороннего научно-технического сотрудничества, — в силу не вступило.

⁵ *Balew M., G-Hiwot H.* Law of Intellectual Property. Teaching Material. Aspen Publishing, 2009. P. 7.

⁶ *Balew M., G-Hiwot H.* Op. cit. P. 69.

Помимо конституционных основ, в настоящее время авторские права в Эфиопии регулируются двумя ключевыми актами законодательства: Декларацией об охране авторских и смежных прав 2004 г. № 2673 (далее — Декларация 2004 г.) и вносящей некоторые изменения в этот документ Декларацией 2014 г. № 8721 о внесении поправок в защиту авторских и смежных прав (далее — Декларация 2014 г.).

Возможна ли охрана трансграничных авторских российско-эфиопских отношений при отсутствии международного соглашения? Этот вопрос является первичным для рассматриваемых отношений. И, поскольку между Эфиопией и Россией нет действующего международного соглашения по охране авторских прав, ответ на него следует искать в национальном праве каждого из сотрудничающих государств — участников БРИКС.

В соответствии с ГК РФ на произведение, находящееся в какой-либо объективной форме на территории Российской Федерации, возникнет исключительное право независимо от гражданства автора (ч. 1 ст. 1256)⁷. Соответственно, граждане Эфиопии, чьи произведения будут опубликованы в России или даже просто окажутся на территории России в объективной форме, могут рассчитывать на авторско-правовую охрану.

В Декларациях 2004 г. и 2014 г. Эфиопии иностранные граждане не фигурируют, специальное правовое регулирование для них не предусмотрено. Более того, даже в Конституции Эфиопии 1994 г. иностранные граждане упомянуты только один раз — в связи с возможностью получить гражданство этой страны. Однако в Конституции содержится норма, в соответствии с которой «все люди равны перед законом и имеют право без какой-либо дискриминации на равную защиту закона... закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту без дискриминации по признаку... гражданства...» (ст. 25). Очевидно, в соответствии с Конституцией Эфиопии и на основании упоминавшихся ранее Декларации и Пактов о правах человека российские граждане также могут рассчитывать на охрану своих интеллектуальных прав в Эфиопии.

Однако, имея изначально задачу получить авторско-правовую охрану в Эфиопии, иностранный автор может воспользоваться механизмом, закрепленным в Декларации 2004 г., и опубликовать свое произведение впервые в Эфиопии или, опубликовав свое произведение впервые за рубежом, также опубликовать его в Эфиопии в течение 30 дней (ст. 3 Декларации 2004 г.). В этом случае, независимо от гражданства или места жительства авторов, произведение будет находиться под охраной в Эфиопии.

Авторско-правовая охрана в Эфиопии. В законодательстве Эфиопии авторское право определяется как включающее экономические права на произведение, а также моральные права автора «в уместных случаях» (ст. 2(8) Декларации 2004 г.), что в целом коррелирует с характеристикой интеллектуальных прав в ст. 1226 ГК РФ.

Как и в российском праве, в Эфиопии статус автора принадлежит человеку — физическому лицу, которое создало произведение своим интеллектом

⁷ См. об этом также: *Гришаев С. П.* Постатейный комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «Гарант».

(ст. 2(12) Декларации 2004 г.). И хотя обладателем исключительных авторских прав (в том числе первичным правообладателем, если произведение создано по найму) в Эфиопии может стать и юридическое лицо, неимущественные права всегда принадлежат человеку (ст. 21 Декларации 2004 г.), поскольку, «чтобы быть автором, требуется умственное творчество, которого не хватает юридическому лицу»⁸.

В целом идентично в праве России и Эфиопии регулируются отношения охраноспособности первичных и производных произведений, отношения по установлению формальностей. Так, условиями охраноспособности производных произведений в Эфиопии являются их оригинальность и соблюдение прав автора первоначального произведения (ст. 11 Декларации 2004 г.); соблюдение формальностей для предоставления авторско-правовой охраны не требуется.

Срок охраны исключительных авторских прав в Эфиопии составляет не 70, а только 50 лет после смерти автора, что важно, в частности, для определения срока действия лицензионного соглашения, которое не может действовать дольше срока действия исключительных прав. Необычным является порядок исчисления срока охраны авторских прав в Эфиопии, он начинается с 1 января, следующего за днем смерти автора (ст. 20 Декларации 2004 г.), а не с нового календарного года, как в большинстве государств мира в соответствии с конвенционным регулированием.

Имущественные права. На основании положений ст. 9—19 Декларации 2004 г. автор или иной правообладатель наделяются рядом исключительных прав в отношении произведения: на воспроизведение, на перевод, на адаптацию, аранжировку или иную переработку произведения, на распространение оригинала или копии произведения среди публики, на публичный показ и др. Эти права закреплены в международных соглашениях и известны российскому праву. Отдельно стоит отметить исключительное право на импорт произведения, фиксация которого, по всей вероятности, потребовалась именно из-за неучастия Эфиопии в международных соглашениях по охране авторских прав и означает право автора разрешать или запрещать передачу своего произведения в любой форме и любыми способами в иностранные государства, т.е. под иностранную юрисдикцию.

Принудительная лицензия на перевод. В отличие от права России, в Эфиопии предусмотрена возможность выдачи третьим лицам принудительных лицензий на перевод произведения. Несмотря на возражения владельцев авторских прав, такая лицензия может быть выдана при следующих условиях: оригинал уже был правомерно опубликован; автору будет осуществлена выплата справедливой компенсации; будет соблюдено сохранение целостности произведения; перевод необходим в интересах общественности (ст. 17 Декларации 2004 г.).

Институт принудительного лицензирования произведений в эфиопском юридическом обществе имеет неоднозначную оценку. Считается, что выдача принудительных лицензий оправдана тем, что иногда нецелесообразно разыскивать владельца авторских прав и получать его разрешение, особенно спустя долгое время после публикации, что, в частности, оправдывается ситуацией с сиротскими произведениями. Также считается, что принудительное лицензирование

⁸ Balew M., G-Hiwot H. Op. cit. P. 68.

препятствует созданию монополий, противоречащих общественным интересам. С другой стороны, принудительное лицензирование справедливо критикуют на том основании, что оно создает трудности для осуществления неимущественных прав автора и подрывает саму суть концепции исключительных прав⁹.

Неимущественные права. Неимущественные (моральные) права автора в Эфиопии по видам в целом совпадают с регулированием в российском праве (ст. 1255 ГК РФ) и включают: право заявлять о своем авторстве; остаться анонимным; использовать псевдоним; защищать свое произведение от любого изменения и искажения (неприкосновенность); доводить произведение до общественности (обнародование) (ст. 8 Декларации 2004 г.).

Однако в российской системе права личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы, а отказ от этих прав ничтожен (ст. 1228 ГК РФ), тогда как по праву Эфиопии неимущественные (моральные) права, хотя и не подлежат передаче в течение жизни автора, предусмотрена возможность автора (правообладателя) отказаться от неимущественных прав полностью или частично с соблюдением следующих условий: отказ должен быть сделан в письменной форме с четким указанием на право, от которого осуществляется отказ, и обстоятельств, при которых должен применяться отказ; отказ должен содержать указание на характер и степень возможного изменения произведения или разрешаемого действия, в отношении которых осуществляется отказ от права (ст. 8 Декларации 2004 г.).

Это положение противоречит сверхимперативной норме в российском правопорядке и в случае включения в договор отчуждения или лицензирования авторских прав будет ничтожным. Здесь мы сталкиваемся со случаем хромающих отношений, когда одни и те же действия контрагентов в одном заинтересованном правопорядке (Эфиопия) будут считаться правомерными, а в другом (Россия) — ничтожными. В договорных отношениях целесообразно избегать таких ситуаций, исключая подобные отказы из числа договоренностей.

Есть также различия в сроке охраны авторских прав: по российскому праву авторство и имя автора охраняются бессрочно, тогда как срок охраны неимущественных прав в Эфиопии приравнен к сроку охраны имущественных (экономических) прав. Соответственно, если эфиопская сторона договорных отношений может полагать, что срок охраны неимущественных прав автора истек, для российской стороны этот срок может не прерываться никогда, как и запреты на оборот соответствующих прав.

Договорные отношения. Как и в Российской Федерации, в Эфиопии автор может осуществлять свои исключительные права самостоятельно, или передавать их другим лицам частично или полностью.

Договор отчуждения. Интересно, что отчуждение авторских прав по праву Эфиопии возможно не только в отношении всего комплекса исключительных прав автора, но и в отношении части исключительных прав (ч. 1 ст. 23 Декларации 2004 г.). Тогда как в российском праве любые ограничения в договоре отчуждения, касающиеся объема передаваемых прав (передается весь комплекс исключительных прав) или сроков, на которые они передаются, приводят к его

⁹ Balew M., G-Hiwot H. Op. cit. P. 122.

квалификации как лицензионного договора (ч. 3 ст. 1233 ГК РФ). То есть для российского права отчуждение исключительных прав с ограничениями невозможно.

Отчуждение конкретного исключительного права по праву Эфиопии, в случае если стороны не оговорили срок, действует 10 лет (ч. 3 ст. 23 Декларации 2004 г.). Таким образом, существует возможность в договоре отчуждения исключительных авторских прав ограничить как виды исключительных прав, так и сроки, на которые они передаются.

Российской стороне договора распоряжения исключительными правами следует иметь в виду разницу в квалификации договора отчуждения и либо настаивать на соблюдении более жестких требований российского права к заключению сделки по отчуждению прав, либо изначально ориентироваться на лицензирование. В противном случае договор отчуждения может быть переквалифицирован в лицензионный и российская сторона не получит желаемого эффекта от договорных отношений.

Лицензионный договор. Особенностью лицензионного договора в праве Эфиопии является то, что соответствующее понятие законодательно закреплено не в рамках «позитивного подхода», как разрешение лицензиату на совершение предусмотренных законом действий (и как это предусмотрено в ч. 1 ст. 1235 ГК РФ), а в рамках «негативного подхода», как *«разрешение на действия, без которых такое разрешение было бы равносильно нарушению»*. Безусловно, в данном случае расхождение типов законодательных формулировок в праве России и праве Эфиопии не меняет сути лицензионного соглашения, хотя и формулируется непривычно для отечественного юриста, поскольку «быть лицензиатом не означает ничего, кроме как получить зеленый свет для действий»¹⁰.

Как и в Российской Федерации (по общему правилу), по праву Эфиопии договоры о распоряжении исключительными правами должны быть совершены в письменной форме (ч. 2 ст. 23 Декларации 2004 г.).

Как и российское право (ч. 1 ст. 1235 ГК РФ и др.), авторское право Эфиопии основано на общепринятом принципе дополнительной необходимой защиты прав и законных интересов лицензиара. Для обеспечения наилучшей защиты владельца исключительных прав закреплено правило о том, что все изъязы договора должны толковаться в пользу правообладателя (ч. 3 ст. 23 Декларации 2004 г.). Для этих же целей, как отмечают ученые Эфиопии, предписана и обязательная письменная форма таких договоров¹¹.

Особого рассмотрения требует вопрос о существенных условиях договора о распоряжении авторскими правами по праву России и Эфиопии. По отечественному праву существенными условиями лицензионного договора являются предмет договора путем указания на результат интеллектуальной деятельности, способы использования результата интеллектуальной деятельности, а также условия о размере вознаграждения или порядке его определения для возмездных лицензионных договоров (ч. 5 и ч. 6 ст. 1235 ГК РФ), причем последствием несоблюдения существенного условия в договоре будет его незаключенность (ст. 432 ГК РФ).

¹⁰ Balew M., G-Hiwot H. Op. cit. P. 177.

¹¹ Balew M., G-Hiwot H. Op. cit. P. 177.

В ГК Эфиопии нет перечня существенных условий для рассматриваемых видов договоров, но есть условия, соблюдение которых требуется для действительности любого вида договора: дееспособность сторон; достаточная определенность предмета договора; форма договора, предписанная законом (ст. 1678). Таким образом, в части определенности предмета договора правопорядки России и Эфиопии совпадают.

Однако в отношении способов использования произведения в праве Эфиопии регулирование иное: «Если соглашение об отчуждении или лицензировании определенных исключительных прав... не содержит явных указаний на способы и средства использования или эксплуатации права, правопреемник или лицензиат имеет право использовать право такими способами и средствами, которые необходимы для цели, предусмотренной сторонами» (ч. 4 ст. 24 Декларации 2004 г.).

Более того, иначе регулируется правом Эфиопии и вопрос о порядке вознаграждения лицензиара в возмездном договоре: «При отсутствии соглашения между сторонами вознаграждение, причитающееся автору, устанавливается судом в соответствии с принципом справедливости» (ст. 2692(2) ГК Эфиопии).

Такая ситуация — еще один пример коллизии коллизий (хромающие отношения): легитимный по праву Эфиопии возмездный лицензионный договор, не содержащий условий о способах использования произведения и порядке вознаграждения лицензиара, по российскому праву не будет считаться заключенным.

Применимое право. Важнейший вопрос для регулирования трансграничных отношений — применимое право. И в случае с распоряжением исключительными правами решать вопрос о применимом праве придется отдельно по отношению к интеллектуальному статуту и к договорному статуту в едином правоотношении¹².

Интеллектуальный статут — содержание исключительного права, его действие, ограничения, порядок его осуществления и защиты в Российской Федерации — определяется на основании односторонней коллизионной нормы, независимо от установлений законодательства страны возникновения исключительного права, т.е. по праву РФ (ч. 2 ст. 1231 ГК РФ). И хотя в указанной статье речь идет о признании исключительных прав, действующих именно в связи с наличием международного договора, обобщение результатов правоприменительной практики показывает, что статья толкуется расширительно — для всех иностранных авторов, чьи произведения подпадают под правовую охрану на территории РФ, ее национального режима¹³.

Как ранее отмечалось, в авторском праве Эфиопии иностранные граждане не учитываются, коллизионные нормы отсутствуют. Однако, предоставляя иностранным авторам защиту на основании Конституции, которая гарантирует правовую защиту вне зависимости от гражданства и гарантирует авторские права как естественные права человека, либо на основании факта публикации произведения впервые на территории Эфиопии, очевидно, что правоприменительные органы

¹² О множественности статутов в международном частном праве см: *Луткова О. В.* Расщепление статута в международном частном праве // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 133—142.

¹³ См.: Энциклопедия судебной практики. Действие исключительных и иных интеллектуальных прав на территории Российской Федерации (ст. 1231 ГК) // СПС «Гарант».

этого государства смогут применять только собственное право к отношениям, входящим в интеллектуальный статут.

Таким образом, выбор применимого к отношениям, входящим в интеллектуальный статут, права в трансграничных авторско-правовых российско-эфиопских отношениях будет предопределен следующим фактом: суд какого из государств будет этот выбор осуществлять (на основании коллизионной привязки *lex loci protectionis* (закон государства, где испрашивается охрана)).

Что касается отношений, входящих в договорный статут, — толкование договора; права и обязанности сторон договора; исполнение, последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора; прекращение и последствия недействительности договора и др., то по российскому праву они будут регулироваться ст. 1210 и 1211 ГК РФ. Стороны могут проявить автономию воли при выборе применимого права (ст. 1210 ГК РФ). Если стороны этого не сделают, применимое право будет устанавливать суд на основании ч. 8 ст. 1211 ГК РФ (право государства, где лицензиату разрешается использование произведения).

Однако в договорном праве Эфиопии, как и в авторском праве, коллизионное регулирование отсутствует. По этой причине государственные суды не смогут применить иностранное право даже в случае его избрания сторонами.

Исходя из проведенного анализа правового регулирования можно смоделировать два возможных варианта решения вопроса о выборе применимого права и органа по рассмотрению споров для контрагентов российско-эфиопской сделки по распоряжению исключительными авторскими правами.

Поскольку Россия и Эфиопия не связаны договорными отношениями в области признания и исполнения судебных решений, выбор государственного суда в данном случае проблематичен. Кроме того, отсутствие коллизионного регулирования в Эфиопии означает, что государственный суд этого государства не будет решать вопрос о применимом праве, всегда применяя только нормы собственного правового порядка.

Однако оба государства участвуют в Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (Россия — с 1960 г., Эфиопия — с 2020 г.). Это позволяет контрагентам по сделке выбрать Международный коммерческий арбитраж (МКА) в качестве органа рассмотрения спора, выбрать применимое право и рассчитывать на признание и исполнение арбитражного решения в любом из двух договорившихся государств.

Заключение

Сравнительный анализ законодательства России и Эфиопии по авторскому праву и договорным отношениям позволил выявить сходства и различия в правовом регулировании, имеющие значение для заключения между контрагентами указанных государств — партнеров по БРИКС трансграничных договоров о распоряжении исключительными авторскими правами. Такой анализ актуален в связи с тем, что в отличие от Российской Федерации Эфиопия не участвует в международной охране авторских прав.

Несмотря на то что Эфиопия не связана обязательствами ни по одному из соглашений по авторско-правовой охране, в целом законодательство этого государства гармонизировано с нормами базовых международных конвенций (Бернской конвенции 1886 г. и Всемирной конвенции 1952 г.). Гармонизация затронула такие институты авторского права Эфиопии, как охраноспособность оригинальных и производных произведений, критерии предоставления правовой охраны авторам, виды охраняемых (неимущественных и исключительных) прав, сроки охраны, отказ от формальностей и др.

При этом по ряду вопросов правовое регулирование в Эфиопии существенно отличается от российского в части: допустимости отказа от неимущественных прав автора; возможности принудительного лицензирования; квалификации договора отчуждения исключительных прав; требований к существенным условиям лицензионного договора; отсутствия коллизионного регулирования как в сфере интеллектуального статута, так и в сфере договорного статута.

Выявленные расхождения в охране авторских прав и в регулировании договорных отношений по поводу распоряжения ими должны учитываться в практике заключения трансграничных российско-эфиопских договоров отчуждения и лицензирования авторских прав, чтобы избежать неблагоприятных последствий, таких как уязвимость и даже незаключенность договоров, хромящие отношения, коллизии коллизий.

Сторонам сделки целесообразно определить в качестве органа по рассмотрению возможного спора международный коммерческий арбитраж, что позволит выбрать применимое право и рассчитывать на признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алимова Я. О. Возможность унификации в сфере трансграничных договорных отношений в странах БРИКС // *Lex russica*. — 2019. — № 11 (156).
2. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «Гарант».
3. Луткова О. В. Расщепление статута в международном частном праве // *Журнал российского права*. — 2016. — № 4 (232). — С. 133—142.
4. *Balew M., G-Hiwot H. Law of Intellectual Property. Teaching Material*. — Aspen Publishing, 2009. — 295 p.